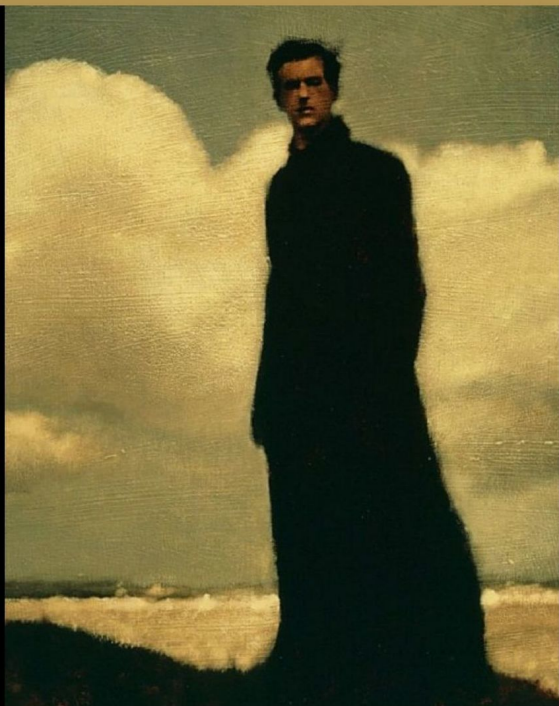

Оксана Чурюканова
Стефано Дионизи

Цена успеха

Оксана Чурюканова

Стефано Дионизи. Цена успеха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36079437

ISBN 9785449321053

Аннотация

Эта книга – рассказ о жизни и творчестве Стефано Дионизи, нашего современника, итальянского актера, сыгравшего свыше шестидесяти ролей в фильмах и сериалах. Автор не ограничивается биографическими рамками повествования, но вдумчиво анализирует творчество Дионизи-актера и писателя. Настоящее издание является первым и пока единственным исследованием, в котором читатель сможет узнать подробности о жизни этого талантливого человека, его взлетах и падениях, страстях и недугах.

Содержание

I Italiano vero

5

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Стефано Дионизи

Цена успеха

Оксана Чурюканова

© Оксана Чурюканова, 2019

ISBN 978-5-4493-2105-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I Italiano vero

Стефано Дионизи (Чампони) родился в 10 часов утра 1 октября 1966 года, в Риме, в семье истинных итальянцев – Марии и Марио. Дед Стефано обладал для нашего времени почти невероятной профессией – он был портным.

«Я очень боялся темноты, – рассказывает Стефано, – и начинал спрашивать себя, почему мой дедушка, умерший недавно, никогда не придет и не навестит меня. В действительности я был напуган мыслью обнаружить его перед собой и превозмогал ужас возможного объятия. Но он не пришел. В глазах ребенка факт, что Бог не услышал его молитвы, представлял большую несправедливость. Это заставило меня сомневаться в воскрешении, и я подумал: „Если дедушка не явился, значит, когда я умру, я тоже стану мертвым навсегда“ и продолжал повторять это внутри себя тысячу раз, до тех пор, пока не понял вечность смертельных событий».

Это короткое, но такое яркое воспоминание демонстрирует сверхчувствительность нашего героя, которую он не утратил по прошествии многих лет. Глаза того испуганного мальчика и сейчас замечают журналисты: «Стефано Дионизи – меланхоличный мужчина с лицом мальчика... лицом, которое останется таким до конца его дней».

Стефано имеет мужество откровенно признаваться и в страхе темноты, и во многих других своих страхах:

в 2015 году он написал книгу об одном из самых трагических периодов своей жизни – «Корабль дураков». Это один из немногих источников, используемых нами при создании этой книги, содержащей откровения Стефано, помимо интервью, данных им в разные годы, преимущественно итальянским СМИ.

Естественно, что как и у любого другого настоящего итальянца, у Стефано есть дяди, тети и племянники, но о них он или никогда не говорит, или говорит вскользь, в связи с какими-нибудь событиями. Например, после страшного теракта в Париже, произошедшего 13 ноября 2015 года, в одном из интервью Стефано с искренним состраданием к пострадавшим рассказал, что в концертном зале «Батаклан» в тот момент находился и его родственник.

В своем откровенном признании в психической болезни, доставшейся ему по наследству от отца, он говорил о своей родной тете, закрытой в психиатрической больнице с диагнозом «шизофрения», и о дрызгах дядюшек из-за наследства, оставшегося от деда.

В своей книге Стефано много внимания уделил своему рано умершему брату Фабио. И хотя эта смерть пришла раньше появления на свет самого Стефано, она сыграла немаловажную роль в формировании его определенных комплексов и глубоких психологических переживаний: «Фабио родился до меня, с пороком сердца, теперь, вероятно, поддающимся лечению, но который унес его в двадцать восемь

месяцев. Моя мать всегда говорила, что маленький овал его лица и экзотические глаза наверняка сделали бы его самым красивым среди нас, братьев». По рассказам матери, Фабио унаследовал голубой цвет и восточный разрез глаз от своей бабушки».

То страдание, которое пережили родители Стефано, настолько сокрушило их, что в семье не говорили о бессмысленных попытках спасти ребенка и Стефано не знал никаких деталей медицинских перипетий, связанных с этим. В итоге подробности этой трагедии навсегда стерлись из его сознания благодаря психологическому механизму приспособления и выживания. Но со временем у Стефано созрела идея, что надежды, раньше возлагаемые на Фабио, стали изливаться на него, и мать подсознательно всегда предоставляла ему большую свободу, как если бы кроме своей жизни он мог бы прожить и жизнь своего брата.

Вообще, Стефано размышляет о смерти слишком часто для человека, у которого уже есть продолжение – многочисленные образы в кино, книга и сын. В его рассказах о смерти родственников, знакомых или соседей по больничной палате можно заметить страх неизбежной смерти, рожденный в тех неизведанных глубинах, которые сам Стефано называет «темными переулками сознания».

Такое красивое явление природы, как закат, вызывает у него ассоциацию с концом всего: «Я говорил ей ..., что встречал смертоносные закаты, повторения которых меня

тревожили. Я видел закаты на востоке, в пустыне, на затерянном острове, в горах Атлантики, сильнее всего меня волновали их невероятные цвета, и моя мысль витала вокруг того, что все имеет конец». И даже о дремоте Стефано говорит, что это состояние, «в котором жизнь нам дарит что-то очень похожее на смерть, возможно, чтобы легче принять ее».

Стефано помнит самую первую смерть, с которой ему довелось столкнуться, и это не была смерть родственника. Соседка сверху не нашла ничего лучшего, как попросить мать Стефано отправить мальчика посидеть с ее умершим мужем до тех пор, пока не приедет машина скорой помощи. Таким образом, Стефано пришлось сторожить «спокойно сидящего в кресле человека, со склоненной на сторону головой, задушенного инфарктом».

Затем ему пришлось пережить смерти близких родственников, которые глубоко врезались в память: «Мне случилось на протяжении многих лет ухаживать за пожилыми родственниками, и я помню, как они вдыхали мир, чтобы в итоге остаться с неподвижными лицами, напряженными в усилие последнего вздоха. Когда моя бабушка умерла, я был отправлен в морг, чтобы отдать вещи для одевания. Один из мраморных столов с серыми прожилками, какие использовались на кухнях в девяностые, был занят телом моей обожаемой бабушки, прикрытым белым покрывалом. Находясь в разреженных лучах, сочившихся из мутного окна, я ощущал ужас этого своего вынужденного путешествия, которое без цвет-

ка или какого-то другого родственного предмета усиливало ощущение смерти. Бросив конверт с одеждой и обувью, я кинулся к выходу, оставляя в памяти о моей бабушке тот инфантильный побег».

Перешагнув свой сорокалетний рубеж, Стефано не перестает размышлять на тему смерти, подходя к ней уже философски: «Мы обманываемся возможностью не думать о смерти, легко живем, просим ее, насколько это возможно, не вмешиваться в наши проекты, но она каждый раз все сильнее испытывает человеческую силу и выносливость. Как если бы ты мог отыскать в ее страхе и собственных сожалениях способность к регенерации». И в своих раздумьях Стефано пришел к выводу, что окружающий мир не требует от него «ничего другого, как просто быть живым».

Голос Стефано окрашивается теплыми нотами, когда он говорит о матери и бабушке, об их безграничной любви к нему, подчеркивая, что такие отношения встречаются нечасто: «Я сделал спонтанное сравнение с моей матерью, которая... всегда была очень щедрой со мной», «Любовь моей матери, на мой взгляд, огромная и безусловная. Она просветила меня в становлении в роли отца, научила тому, как важно тратить себя на родных». О матери Стефано пишет, как о «заботливой» женщине, но в то же время говорит о ее порой резких суждениях в отношении людей и жизненных ситуаций, подчеркивает ее авторитарность и крайний рационализм. Он настолько ее обожает, что даже простые мате-

ринские объятия могут наполнить его безграничной радостью и легкостью.

Судя по ощущениям Стефано, его детство и юность нельзя назвать безмятежными. Себя он называет «брошенным ребенком». Удивительно, как после некоторых историй он вообще остался жив, сам связывая это с небесным заступничеством брата Фабио. Себя в возрасте от 12 до 18 лет Стефано воспринимает как «маленького мальчика», и чувство одиночества или, скорее, незащищенности способствует этому.

Вопрос веры для него, видимо, является одним из наиболее важных. Не раз он признавался в своем полном атеизме: «В моем доме нет ничего духовного. Мои юношеские путешествия никогда не были поиском границ души. У меня одна превалирующая рациональность, я атеист и пессимист».

Стефано рассказывает, что перестал верить в бога в возрасте десяти лет, до этого он был просто образцовым алтарным мальчиком и участвовал в религиозных обрядах, например, в пасхальных благословениях. Позже, уже в психиатрической клинике, к нему вернутся мысли о боге: «Я нуждался в помощи, и если люди не могли мне помочь, я готов был обратиться к Богу... Я хотел быть услышанным в духовном измерении, которое могло пролить свет на серию негативных событий моей жизни. Остальные в реальном мире, казалось, не поймут меня... Обычно мы цепляемся за Бога, когда терапия, кажется, больше не работает, и есть элементарная потребность надежды, я просил исповедовать меня капеллана

клиники, хотел совета, что приблизил бы меня к Тайне».

Священник, к которому обратился Стефано, отказал ему в исповеди после того, как узнал, что тот пришел из психиатрического отделения и не исповедовался двадцать три года. Ощущение быть отвергнутым церковью именно в тот момент, когда тебе действительно необходима ее поддержка, могло спровоцировать окончательное решение больше в нее не возвращаться.

Но на самом деле, в глубине души Стефано трепетно и поэтаенно думает о Боге и о том, что он в силах избавить человека от тяжелых последствий содеянных грехов. И, в конце концов, все же вновь возвращается туда: «Я поспешил, потому что милосердие Бога огромно и любой совершенный мною грех был бы оправдан. В тотальной исповеди, в которой я нашел бы себя, было отпущение грехов, как минимум, хотелось надеяться на это... и пора было начинать примирение с Богом. Я не молился столько лет, исповедовал атеизм, однако вновь обратился в ломбард возможности спасения».

Родители Стефано развелись, когда мальчику было четыре года. Уход отца из семьи стал для него той точкой X, которую можно считать отправной для многого, а главное, для развития психической болезни Стефано, с которой он вынужден сражаться долгие годы.

Путь к примирению с отцом был долгим и мучительным. Он стал не просто дорогой к соединению отца и сына, не видевшихся двадцать пять лет, а верным направлением к исце-

лению душевной болезни Стефано.

Теперь он откровенно признается, что толчком, побудившим его позвонить папе, стало рождение его собственного сына Майло. Мальчик явился своего рода символическим подарком для отца в глазах Стефано, который всю жизнь мучился чувством вины. По необъяснимой причине Стефано принял на себя всю вину из-за развода родителей.

Но что за человек был отец Дионизи – Марио? На протяжении долгого времени сам Стефано знал о нем лишь благодаря своим детским воспоминаниям и воспоминаниям матери, которая «как всегда гневно» рассказывала ему об отце. В частности, один из рассказов касался военного детства Марио, с той поры получившего привычку всегда обедать с куском хлеба в руке. «Мой отец часто говорил, что ему немцы не сделали ничего плохого, напротив, в одиннадцать лет, во время оккупации, он жил в Риме, в квартале Триест. Однажды, проходя по тротуару, он встретился с бритым солдатом, вооруженным штыком. Заметил на земле завернутый в узле хлеб и стал приближаться, восхищенный фигурой героя-бойца и подталкиваемый голодом. Солдат убрал штык и с улыбкой подарил ему половину буханки. В общем, немцы с точки зрения моего отца, обладали чувствами», – пишет Дионизи в своей книге.

После того как Стефано сумел отыскать и решился набрать номер телефона Марио, их отношения стали складываться практически заново, с нуля. Итак, они не виделись

двадцать пять лет, и их первая встреча произошла по инициативе Стефано, в квартале Трастевере. «Я столкнулся с тучным, устало прохаживающимся человеком. Мы обменялись прохладным поцелуем в щеку. Я изучал черты его лица, потом сфокусировался на глазах и узнал в нем себя. В первый раз я видел, будто в зеркале, свои глаза, которые улыбались... Тем днем я отыскал свой взгляд в его, позволившем мне почувствовать себя более уверенно».

Они отправляются на общественном транспорте в ресторан, выбранный Марио. Свои чувства смущения и напряжения Стефано будет прятать за тщательным обращением со столовыми приборами и короткими, незначащими фразами. А что же отец? «Папа смотрел на меня, как если бы я был веточкой на ветру, и избегал с определенной осторожностью тем, которые могли бы коснуться его ответственности за произошедшее».

Марио ничего не знал о Стефано, о его проблемах, о его госпитализациях, даже фильмов, в которых тот снимался, не видел ни одного. Но Стефано не осуждает отца: «Я не видел его двадцать пять лет и не мог требовать его участия в моей жизни или понимания моих страданий».

Как же горько узнать, пройдя через панические атаки, испытав на себе укол «бомбы», сваливающей с ног, периоды изоляции в психиатрической клинике, что источник твоей болезни – отцовские гены. И невозможно представить чувств того, кто услышал от родного отца, что ты «ошибка», что

тебя не должно было быть и «родовое проклятие» следовало бы прервать, отказавшись от продолжения рода.

Циклотимия – так называется болезнь, которой страдал Марио, и которая имеет свойство передаваться по наследству. «После смерти моего отца я нашел медицинские сертификаты того времени, когда ему было сорок лет, освобождавшие его от ответственной работы, потому что он не выдерживал стрессовых ситуаций... Моя мать рассказывала, что когда я был маленький, однажды он пытался покончить с собой при помощи газа».

По словам Стефано, Марио очень рано вышел на пенсию, и поэтому жизнь его складывалась непросто. Однако он обладал замечательным качеством – находить выход из трудных ситуаций. Он был предприимчивым и общительным. Для того чтобы иметь средства к существованию, придумал сдавать свой дом 55 кв. м. в аренду, а самому поселиться в съемной комнате общежития. Он стал жить в римской провинции Лавинио, маленьком курортном местечке на море, в 55 минутах на поезде от вокзала Термини.

У Марио было много знакомых иностранцев различных этносов: арабов, румын, индийцев. И благодаря этим знакомствам он приобщился к тайнам национальных кухонь разных стран: «Папе, настоящему римлянину, придерживающемуся своих кулинарных традиций, так сильно нравились ароматы, что он рассказывал мне о специях, как настоящий эксперт этнической кухни».

Если Марио ничего не знал и, похоже, не желал ничего знать о своем сыне, то Стефано непостижимым образом впитывал в себя все, что касалось жизни его отца. Он знал даже то, что больше всего на свете папа любил летний ветер и сияние звезд.

Они стали встречаться, сначала изредка, затем чаще. Изначально главной целью этих отношений должно было стать знакомство Марио со своим внуком Майло. Стефано устроил их встречу в одном из отелей Лавинио, где решил провести неделю с бывшей женой и своей матерью. Он знал также то, что отец любит умиротворяющее купание, и постарался найти гостиницу с двумя большими частными бассейнами, чтобы доставить ему как можно больше удовольствия, но «он находился там в самые жаркие часы, и я заметил, как его естественно образовавшийся интерес к внуку немного погодя исчез».

За время пребывания в отеле разговоры внутри этой распавшейся семьи касались внутрисемейных проблем. Марио интересовался жизнью своей бывшей жены, та припоминала все плохое и хорошее, что некогда связывало их, а когда речь зашла об их сыне Стефано, Марио безапелляционно заявил, что их отношения обречены на банкротство, что виновата в этом дистанция, разделившая их много лет назад.

Что чувствовал Стефано, невольный свидетель разговора? Тот, кто сделал все для того, чтобы восстановить их порванную связь, желавший во что бы то ни стало преодолеть

эту дистанцию? Он молча удалился и сделал вид, что занят какими-то своими делами. Рядом, завернутый в большой, африканской расцветки парео, спал его маленький сын, которого привезли с другого берега океана, и Стефано в очередной раз подумал о том, что «противостоял бы аду, лишь бы присутствовать в жизни своего сына Майло».

Мать, чуткая и любящая, глубоко и болезненно переживала ситуацию, ведь именно ей приходилось сражаться за здоровье Стефано, находиться рядом с ним во время его госпитализаций и осознавать, откуда пришла эта трагедия в их семью. «Ты не должен чувствовать себя плохо, – говорит она Стефано, стоя на балконе и глядя на уходящего домой Марио, – все это сделал он».

Весь вид Марио говорил о том, что ему «все нипочем», но и тогда Стефано не осудил отца, пытался преодолеть чувства злости и разочарования: «Я не хотел доводить до столкновений с моим отцом, вновь медленно сближался с ним, зная, что его время уже истекает. А когда стал видеться с ним чаще, чувство вины, которое я испытывал и которое тяготило меня... ослаблялось».

Но все же поведение и слова Марио настолько больно ранили Стефано, что он на какое-то время потерял способность дышать. Предательство отца обернулось для Стефано регулярными ночными кошмарами: «Возвышающийся над площадью неподвижный лев готов атаковать с высоты колонны; зомби осаждают дворец. Они двигаются медленно,

угрожающе. Природа принимает различные формы, деревья и земля оживают, как в сказке. Бороться за спасение ребенка от ярости зомби, которые толкуются в сетях парка развлечений. Мчаться в бесконечность, чтобы прибежать к кому-нибудь или получить удар ножом в живот и, пока истекаешь кровью, осознавать неумолимое приближение смерти. Чувство падения в колодец...».

Кошмары вынуждают Дионизи прибегнуть к помощи психоаналитика, который бесподобно интерпретирует сны. Каждый раз психоанализ относит врача и пациента к образу Марио: «Уход моего отца стал разрушительным для меня, потому что когда я был ребенком, я связал это с собственной виной. Мы поняли, что симптомы преследования возникли благодаря этой травме».

После встреч с Марио, Стефано и врач анализировали поведение отца и чувства, которые переживал сын. Благодаря семи лет подобной терапии Стефано удалось в какой-то мере преодолеть последствия той детской травмы и победить порожденных ею монстров.

Марио стал сам звонить Стефано раз в неделю, и они встречались для того, чтобы вместе попробовать каких-нибудь деликатесов в ресторане, который выбирал Марио. Во время их бесед Стефано замечал суровый вид отца и думал о том, что «привилегия быть единственным из детей, который может его видеть, имеет свою цену», он также понимал, что отцу ничего не стоит вновь исчезнуть из его жизни.

Но этого не произошло.

Однажды в апреле месяце Стефано был приглашен на обед в дом Марио, который располагался на улице Солнца. Целью встречи было знакомство с невестой отца, украинкой, поставившей приборы прямо на пластик стола. Во время беседы, происходившей за обедом, Марио безапелляционно заявил, что Стефано должен ему помочь решить квартирный вопрос, так как он собирался переехать в дом побольше, а разницу в цене должен был компенсировать Стефано, при этом все права наследования имуществом, по всей видимости, переходили в руки украинки. Ко всем неприятностям этого разговора добавился еще компьютер Стефано, который отец потребовал в подарок для сына своей пассии. Но Стефано был готов к ударам, он знал, что поведение и слова Марио ранят его еще не раз.

Сложно в это поверить, но сыновняя любовь преодолет все эти неприятные моменты, и Стефано отдаст свой компьютер, поможет поменять машину на новую и перебраться в большой дом. Увы, нам неизвестно, насколько долго Марио мог наслаждаться новым циклом своей, теперь комфортной, жизни. Вилла с садом, оранжевым диваном, огромным плазменным телевизором и немецкая машина быстро оказались брошенными Марио, потому что он скончался.

Он умер не на руках Стефано, который еще застал кровавое пятно на кафеле и опустошенные тайники. Больше всего Стефано поразили фотографии, которые он заметил на при-

кроватьном столике отца: на них были они все, вся семья, запечатленные в разные счастливые периоды жизни. Как оказалось, мать, ничего не говоря сыну, снабжала Марио снимками родных и самых важных моментов их жизни.

Детство Стефано прошло в центре «вечного» города Рима и на берегу Тирренского моря, в городке Ладисполи, расположенном в 55 км от Рима, который сознание актера связывает с именем великого Роберто Росселини. Там Марио приобрел дом, и мальчик хорошо знал все побережье.

Сторожевая Башня Флавия, в 60-е еще окруженная со всех сторон водой, спустя десятилетия превратилась в памятник Марио, прах которого Стефано развеял над морем именно здесь, очевидно, в месте особенном и очень дорогим для них обоих. Почему? Возможно, из-за того, что здесь они были вместе – отец и сын.

Стефано замечал, что отец часто размышляет о вечном, созерцая это древнее сооружение, не понимая, как сила природы и времени так и не смогла поколебать Башню.

Для самого Стефано она стала символом незыблемого, того, что сильнее смерти. И однажды, в августе месяце, он решил проститься с отцом именно здесь. «Смерть папы предоставила мне сразу же большую свободу, и я рассматривал эту смерть как конец определенного цикла моей жизни. Конечно, было странно не плакать или находиться одному в далекой гостинице и пить, печально улыбаясь, но физическая дистанция помогла мне быстро подняться», – признается Сте-

фано.

Несмотря на психологическую травму, которую отец нанес Стефано, он все же смог найти в себе силы простить это предательство. Отношения, разорванные волею судьбы, были возрождены благодаря необыкновенному характеру Стефано. После рождения своего ребенка он понял необходимость восстановления порванной связи и все сделал для того, чтобы снова воссоединиться с Марио. Нельзя сказать, что Стефано вновь обрел любовь отца, в многочисленных рассказах об их встречах, сквозит пренебрежение Марио и вниманием сына, и его чувствами, и даже просто его существованием.

Обладая невероятной памятью к деталям, Стефано часто драматизирует события. Например, он и сейчас отлично помнит историю с неудачным подарком от папы Марио: «... она напомнила мне о собаке-волке, которого мне подарили в детстве и который исчез, как по волшебству, несколько дней спустя с извинением, что его отравили». И спустя многие десятки лет Стефано держал в голове эту историю в качестве «верной меры вещей» в отношении своего отца.

Но все же самое трагическое сожаление у Стефано вызывает именно отсутствие отца в его жизни: «Мне также не хватало его последних слов. Я не хотел знать его сожаления или бреда, не хотел извинений за его поведение, мне хватило бы услышать, как он зовет меня по имени, тому имени, что приобретает значение, только если произносится обоими роди-

телями, так как я, на самом деле, никогда не слышал свое».

С отчимом у Стефано сложились, по его словам, отвратительные отношения: «Он не проявлял заботы обо мне, не знал моих чувств и страданий».

И все же не беря во внимание некоторые события, его детские годы были наполнены тем, чем и должны были: Стефано помнит, как по дороге в школу старался не заступать за определенные линии на дороге, как молился перед сном, «свой» магазин марок и как они с другом однажды стащили банкноту из мешка с пасхальными подношениями, но Розовая Гронки так и осталась для них несбыточной мечтой.

В шестнадцать лет на греческом острове Стефано чудом остался жив. Довольно странная для юного итальянца меланхолия и сильнейший ее приступ толкнули парня на отчаянный шаг. Взяв машину знакомого, разогнав ее на бешеной скорости по трассе, Стефано решил сделать «большой прыжок» в никуда. Была ночь, и во мраке он слышал лишь гремящий, страшный звук мотора.

После бешеной гонки машина оказалась на дне ущелья, а Стефано, чудом оставшийся в живых, потерял сознание после того, как выбрался наверх. С переломом шейных позвонков мальчика госпитализировали в больницу в Афины, где он провел, прикованный к постели, месяц. Что толкнуло его на этот отчаянный шаг? Возможно, мы скоро узнаем – Стефано решил написать книгу о себе самом в том возрасте, который в Италии называют *adolescenza*, а в России «переход-

НЫМ».

После окончания лицея (та ступень образования, что соответствует окончанию российской школы) Стефано начал планировать свое будущее. Когда ему исполнилось восемнадцать, он выбрал поступление в университет на факультет политических наук и «сразу же стал готовиться к экзамену по современной истории, углубляясь до Ленина и русской революции».

Но в университете произошло нечто – случайность, определившая всю дальнейшую судьбу Дионизи и итальянского кинематографа. Каждый из стоявших в очереди на экзамен имел некий документ – план, которого был лишен Стефано. Не потому, что он о нем не позаботился, а потому что намеренно решил не связывать себя никакими рамками в виде расписания сдачи экзаменов. Кроме того, юноша верил, что профессора закроют глаза на отсутствие данного документа.

Но все вышло наоборот: «Меня отклонили из-за недостаточности документации. Я вышел из класса и решил, что университет для меня теперь – закрытая глава». Стефано выбрал свободу, но сильно переживал из-за произошедшего: «Учитывая мою жажду познания и страсть к учебе, я полагал тогда, что она должна происходить в университетской атмосфере». Не имея никаких представлений об устройстве жизни, Стефано вновь впал в состояние меланхолии, которая длилась несколько месяцев.

Для того чтобы иметь собственные деньги, мальчику при-

ходило работать и посудомойщиком, и швейцаром, и витринистом. Стефано рассказывает, как в раннем детстве в нем созрело бессознательное желание заработать большие деньги, это произошло во время просмотра популярного телевизионного комикса «Линия». Его герой – симпатичный человек, который не говорит, а только читает стихи и время от времени поднимает табличку с надписью «Миллиард». «Ребенком я всегда испытывал счастье, прежде всего тогда, когда он поднимал эту табличку, и, возможно, это стало моей бессознательной целью», – говорит Дионизи. От момента юношеской неустроенности и до первого заработанного им миллиона пройдет всего десять лет. А пока: «В то время я добывал себе содержание, работая в разных ресторанах».

В это время юноша переживает еще одно серьезное психологическое расстройство, связанное с неустроенностью и неопределенностью: «Я отправился к психологу и описал свое сильное беспокойство из-за той пустоты, что ощущал вокруг себя; она подвергла меня тесту Роршаха, в продолжение которого стремилась углубить вопрос „папа Марио“: о моем отце, давно исчезнувшем из моей жизни».

В течение нескольких месяцев Стефано подвергался сеансам индивидуального психоанализа, после чего психолог ввела его в группу. Этот опыт оказался крайне тяжелым для сверхчувствительного Стефано, который в один момент не смог пережить психотерапевтического метода «психодрамы», используемого на сеансах. И несколько месяцев инди-

видуального психоанализа оказались не лечебными, но губительными для раненой души мальчика. Вместо того чтобы преодолеть ужасные тревоги и беспокойство, он впал в еще большую депрессию: «Я мчался, как сумасшедший, на мотоцикле, задевая зеркала машин, потом остановился в парке в сердце Рима, откуда мог видеть мавзолей Адриана, возвышавшийся над эспланадой Сан-Пьетро».

Стефано не знал, что делать, не имея поддержки семьи, в частности, такой необходимой для него поддержки отца. И в этой ситуации даже не экономическая составляющая имела для него большое значение. Значение имело лишь одиночество и предательство отца.

На жестком диске компьютера Стефано некогда находилась папка, полная его юношеских стихов, в которых он вновь и вновь переживал это предательство: «В одних я изображал выраженное в его глазах хищное желание схватить мою юность, в других представлял себя жертвой языческого ритуала, в третьих моя ненависть требовала его смерти. Я не хотел, чтобы он прочел их, и даже если бы это случилось, он никогда бы не понял того болезненного состояния души, которое они вызывали». Марио так никогда и не увидел эти стихи – Стефано без сожаления стер их перед тем, как отдать компьютер отцу.

Говорят, что Дионизи отмечен судьбой, а как еще расценить то, что произошло в конечном итоге всех его юношеских перипетий? «Я сидел на улице, и один человек, прохо-

дя, окликнул меня и спросил, не хочу ли я стать актером». Это произошло на улице Корсо в Риме, а прохожим был Роберто Сани, агент. Стефано ответил: «Давай попробуем». Они сделали фотографии, и Стефано записался в актерскую школу, а вскоре его кандидатуру одобрили на пробах фильма, благодаря которому юноша приобрел свою профессию.

Итак, Дионизи стал посещать Театральную школу «La scaletta» («Лесенка») в Риме и изучал актерское мастерство. «La scaletta» была в то время совсем молодым учебным заведением: основанная в 1981 году, она предлагала студентам курсы под управлением очень престижных преподавателей. Вот что рассказывает сам актер: «Мне сразу же показалось важным развиваться, не быть поверхностным, и я начал посещать школу театра La scaletta; моим маэстро был Пино Манцари, прекрасный! Спустя некоторое время школа была закрыта из-за недостаточности средств, как это часто бывает, и поэтому я брал частные уроки у Беатриче Бранко по системе Станиславского, с большим вниманием к внутренней работе».

В 1985 году Дионизи получил свой университетский диплом актера и отправился в путешествие: в конце восьмидесятых он переезжает в Нью-Йорк. В Америке Стефано изучает английский язык, в течение года работает официантом в ресторане в Бэй-Ридж (Бруклин), доставляет заказы греческого ресторана недалеко от Мэдисон Сквер Гарден. Знание английского языка стало весомым плюсом, и таких знатоков

среди актеров в восьмидесятые годы в Италии нашлось бы немного.

На самом деле непросто найти способ реализовать себя в переполненном мире развлечений – кино и телевидения, и где действительно трудно определить степень таланта актера, но это не случай Стефано Дионизи. Карьера его развивалась просто неудержимо, а его талант был усилен великими профессионалами. «Страсть к актерству родилась в подростковом возрасте, – говорит Стефано Дионизи, – в этом ремесле я всегда обожал возможность вклиниться в тысячу ролей, тысячу жизней, разрывая себя на куски. Можно носить чужую одежду в течение нескольких месяцев и, если делаешь хорошо свою работу, возбуждать, заставлять мечтать и размышлять своих зрителей, которые и есть самые настоящие и требовательные судьи. Должен сказать, что мне очень повезло играть роли, которые всегда учили меня и оставляли что-то во мне».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.